

**Производство дел по правонарушениям православного духовенства в России
XVIII в.**

Научный руководитель – Полянский Павел Львович

Белюсова Марина Андреевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра истории государства и права, Москва, Россия

E-mail: generalvpered@icloud.com

Дела по правонарушениям православного духовенства представляли собой классический образец проблем в деятельности церковного суда. Предметная компетенция церковного правосудия, распространявшая его действие на мирян, сокращалась на протяжении всего XVIII века, тогда как сфера персональной подсудности оставалась более-менее неизменной, предоставляя инстанциям духовного суда рассматривать все дела по правонарушениям православного духовенства, за исключением дел по всем трем пунктам указа 25 января 1715 года, а также наиболее тяжких уголовных (кражи, разбоя, убийства).

На протяжении всего XVIII века Святейший Синод, координировавший взаимодействие церковного суда со светскими судебными органами, стремился пресекать многократные попытки местных властей привлечь духовенство к гражданскому суду в случаях, когда последние не имели на это полномочий. Однако, когда представители духовенства оказывались колодниками духовного ведомства, как правило, вступить за них было просто некому.

Одной из самых распространенных тем для жалоб в вышестоящие инстанции (в Святейший Синод или в Московскую Синодальную контору) была проблема затяжного исследования дел в духовных консисториях при игнорировании информации об этом со стороны епархиального архиерея.

При этом важно указать, что дело не просто тянулось, угнетало «обвиняемого» или ухудшало его репутацию. По вызову консистории прикосновенные к делу лица должны были находиться при ней, даже если проживали в другом городе. В одном из дел 1760 года Московская духовная консистория обязала даже свидетелей (попов и дьяконов) «во все дни» являться в консисторию и не уезжать из Москвы до конца производства. За нарушение обещалось наказание по церковным правилам и императорским указам.

Сами обвиняемые содержались при консисториях, зачастую в колодках или в «чепях». Разумеется, зарабатывать на жизнь в ходе многомесячного или даже многолетнего предварительного заключения было невозможно, от чего особенно страдали большие семьи священников и дьяконов: оставаясь без заработка отца, они были обречены на нищенство, и об этом часто упоминали жалобщики-колодники, прося духовные власти ускорить производство по делу.

В силу закрытости и «сословности» судопроизводства по правонарушениям духовенства, а также так и не сформировавшейся, несмотря на усилия законодателя, нормативной базы судебного процесса в целом, сложно выделить четкие правила для процедур духовного суда. Фактически на церковный суд распространялось действие указа «О форме суда» 1723 г., и даже в середине XVIII века малозначительные дела «по спорам» (драки, оскорбления, побои) в среде духовенства исследовались духовными консисториями «по форме». Зачастую степень формализованности процесса и соблюдение элементарных принципов зависело исключительно от консистории или правящего архиерея. До распространения идей гуманизации процесса и наказаний сами архиереи могли вести процесс совершенно не

сообразно с началами христианского милосердия. Так, пользовавшийся неограниченным кредитом доверия Петра Епископ Нижегородский Питирим, ревностный борец с расколом, «выбивал» плетью из священников признание в сокрытии раскольников и ложных записях в исповедных книгах [1;59]. Священники Петров и Иванов, лишённые сана в 1723 году, вынуждены были сказать «слово и дело» и жаловались в Синод на жестокое обращение архиерея.

И.К. Смолич подчёркивает низкий моральный уровень епископов XVIII в. Облечённые административной властью, они смешивали её с «чувством религиозной ревности», а точнее, ревностно осуществляли свою службу в соответствии с «духом времени» [3; 303-304]. Строгость наказаний, назначаемых архиереями, например, за неслужение молебнов в царские и викариальные дни, к середине XVIII века стала смущать даже Святейший Синод, и в 1766 году его доклад о смягчении наказаний до умеренных епитимий и штрафов в пользу богаделен при архиерейских домах получил высочайшую резолюцию. Екатерина II также указала на необходимость считаться «с человеческими немощами и с добрым в священстве поведением». Как отмечают исследователи, именно эта благоприятная резолюция вдохновила Синод на издание в 1767 году указа о запрете телесных наказаний священников и иеромонахов [2; 145]. В 1771 году такой запрет был распространён и на диаконов. До 1797 года он так и остался на бумаге.

Некоторым архиереям было свойственно проявлять чрезмерную строгость и в делах, не имевших политических оснований: так в 1760 году Синод запретил митрополиту Московскому и Севскому Тимофею извергать священника из духовного звания навсегда за совершение литургии в пьяном виде и не натошак, а заменил наказание на отправку в монастырские труды на три года с перспективой восстановления священства после исправления.

Могла возможность решения дел по принципу «яко восхощет Его Преосвященство» работать и в другую сторону: предшественник Тимофея на Московской кафедре митрополит Платон, находясь в болезни перед своей смертью, повелел провести «амнистию» целого списка запрещенных им в священнослужении, желая, по-видимому, облегчить душу перед уходом в мир иной, хотя, не будучи государем, таким образом проводить её не имел права.

Всё это не способствовало ни правовой определенности, ни справедливости церковно-судебного процесса. Единственным способом защиты от произвола местной духовной власти, который был доступен духовенству в ходе церковного судопроизводства, была жалоба в Святейший Синод или его Московскую контору. Попытки жаловаться на консисторию епархиальному архиерею обычно приводили к классическому бюрократическому результату: спуску дела обратно в консисторию, принявшую оспариваемое решение.

Однако в сравнении с предыдущим периодом, когда обжаловать решения преосвященного было фактически некому, реальная возможность подачи челобитной в Синод и инициирования подконтрольного ему пересмотра дел была настоящим прогрессом. В ходе общих тенденций к гуманизации во второй половине XVIII века станет смягчаться и общее положение духовных, попадавших в церковный суд. Однако в начале XIX века неудовлетворительность церковного судопроизводства по делам православного духовенства станет настолько очевидной, что вызовет интерес уже светского законодателя.

Источники и литература

- 1) Августин (Синайский), архим. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы синодального управления при Петре Великом. СПб., 1895.

- 2) Знаменский И.С. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла. М., 1880.
- 3) Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917. Часть первая. М., 1996.